

The background of the cover is a gradient of red and orange, with abstract, wavy, flame-like shapes in the lower half. A large, glowing orange sphere is positioned in the upper left, with a smaller, bright white starburst effect on its surface.

**История
философской
мысли
Беларуси**

Галина Малыгина

**История философской
мысли Беларуси**

«Вышэйшая школа»

2014

УДК 1(091) (476) (075.8)
ББК 87.3 (4 Бей)я73

Малыхина Г. И.

История философской мысли Беларуси / Г. И. Малыхина —
«Вышэйшая школа», 2014

ISBN 978-985-06-2493-2

Рассматриваются основные этапы развития белорусской философской мысли, анализируются ее особенности в различные исторические эпохи, очерчиваются задачи и перспективы в становлении национального самосознания и формировании гражданско-патриотического мировоззрения молодого поколения. Практическая значимость философии как неотъемлемого компонента национальной культуры раскрывается в контексте синергичных процессов социокультурной динамики современного белорусского общества. Адресуется студентам и магистрантам учреждений высшего образования по гуманитарным специальностям.

УДК 1(091) (476) (075.8)
ББК 87.3 (4 Бей)я73

ISBN 978-985-06-2493-2

© Малыхина Г. И., 2014
© Вышэйшая школа, 2014

Содержание

Введение	6
Глава 1	10
1.1. Этносы и нации. Теория и практика национального строительства в Европе	10
Что такое этнос?	11
Этнос и нация	11
1.2. Исторические предпосылки и теоретико-методологические основания анализа этногенеза и этнического самосознания белорусов	17
К истории белорусского этноса	17
Определение общества	18
Динамика социума	19
Понятие «социокультурная синергия»	19
1.3. Белорусская социальная и духовная синергия в XIII – первой половине XVII в.	21
Белорусский этнос XIII–XVII вв.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Галина Ивановна Малыгина, Владимир
Иосифович Миськевич, Наталья
Александровна Кутузова и др
История философской мысли Беларуси**

Допущено

Министерством образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия для студентов учреждений высшего образования по гуманитарным специальностям

Авторы: Г.И. Малыгина, В.И. Миськевич, И.Ф. Габрусь, Н.А. Кутузова, Я.В. Тарасюк, А.А. Минеева

Рецензенты:

кафедра философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь;

доктор исторических наук, профессор *О.Г. Буховец*;

доктор культурологии, профессор *А.И. Смолик*

Введение

Философия является формой осмысления национальных культурных традиций. Будучи целостной, всеохватывающей картиной мира, она выполняет роль стратегического ориентира в формировании мировоззрения и духовной культуры личности. Отечественная философия призвана внести свой вклад в осмысление и анализ проблем современного белорусского социума.

Самосознание любого народа уникально. Его своеобразие определяется множеством взаимосвязанных и взаимодействующих факторов. Их можно разделить на две группы: внешние и внутренние. К первым относятся природа и социокультурное окружение.

Природа накладывает свой отпечаток на виды и способы хозяйственной деятельности, профессиональную структуру общества, типы жилища, одежду, образ жизни людей и т. д. Она в существенной мере определяет мировоззрение и мировосприятие народа, проявляясь в его общественной психологии, архетипах, мифах, сказках, фольклоре, обрядах, празднествах. Социокультурное окружение – это государства, этносы, их культуры, с которыми данная социальная общность взаимодействует и на идущие извне вызовы (экономические, политические, военные, духовные) находит и дает ответы. Эти ответы могут иметь форму творческой ассимиляции приходящих (привносимых) извне верований, рациональных теорий, стилей искусства, законодательных систем, социальных институтов, технических новшеств и т. д., что запечатлевается в самосознании народа и отражается на его исторической судьбе. То же происходит и относительно вызовов, порождаемых второй группой факторов, обусловленных внутренними противоречиями общества (демографическими, политическими, религиозными, культурными и др.). После их разрешения социум обретает внутреннюю устойчивость, динамизм и увеличивает свой адаптационный потенциал в ситуациях разновекторного давления.

Поиск адекватных ответов на внешние и внутренние вызовы связан прежде всего с деятельностью творческого меньшинства (в современной терминологии – национальных элит). В отдельных случаях внешние импульсы, иницируя активность национальных элит, становились весьма эффективным источником социального обновления. Примеры подобного рода можно найти в истории многих стран Европы и Азии. Однако опыт истории свидетельствует о том, что далеко не всегда такая деятельность оказывалась успешной. Многие, даже великие империи и государства далекого и недавнего прошлого ушли в небытие именно потому, что властвующие элиты так и не сумели дать ответ на вызовы своего времени.

Однако исчезновение государств, элит не означает исчезновения народов. Они остаются в истории, сохраняя свою идентичность, свое самосознание. Самосознание народа (осознание, узнавание самого себя) иногда сводят лишь к рациональным формам – социально-философским учениям, конкретно-научным теориям, идеологиям, правовым и политическим доктринам, эстетическим концепциям. Но подобно тому как об отдельном человека нельзя судить на основании того, что он сам о себе думает, точно так же нельзя судить и об обществе лишь по высшим формам его духовной культуры (*К. Маркс*).

Существуют глубинные пласты неявного, невербального знания, связанные с чувствами, воображением, интуицией, бессознательным, верой – например, знания об уместности проявления тех или иных чувств в различных жизненных ситуациях; знания о традициях и способах следования им; знание о Боге; коммуникативные знания; «знания» совести; интуитивные знания и т. п. Эти знания существуют в виде структурированных «коллективных представлений» (*Э. Дюркгейм*). При этом в разных обществах, социальных группах мозаика их различна. Следование им в соответствии с принятыми ожиданиями – необходимая предпосылка социальной солидарности и взаимопонимания между людьми. Таким образом, когда речь идет о сознании, надо понимать, что модальность образующих его знаний может быть очень разной. И

только взятые в единстве все формы знаний могут характеризовать этническое (национальное) самосознание. Стало быть, кроме интеллектуалов (и задолго до них) любой этнос создает (чаще всего стихийно-бессознательно, как результат ответов на вызовы среды) образ самого себя, выраженный в мифах, сказаниях, легендах, преданиях, песнях, коллективных представлениях и т. д. Особенность этого образа в том, что в нем сливаются воедино рациональные и чувственные, ценностные и поведенческие моменты. «Смотрясь» в него и «отражаясь» в нем, как в зеркале, человек самоидентифицирует себя, различает «своих» и «чужих». Этот слой (уровень) самосознания принято именовать ментальностью или менталитетом народа. В научной литературе существует много трактовок данного понятия¹. Выделим точку зрения философа Д.В. Полежаева, который считает, что *менталитет* – это устойчивая во «времени большой длительности» (Ф. Бродель) система образов человека и внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества, формируемая (и функционирующая) как под воздействием внешних условий, так и в процессах его внутренней самоорганизации. В структуре менталитета выделяются горизонтальная и вертикальная составляющие. К первой относятся такие «блоки», как восприятие, оценка, поведение; ко второй – социальные установки индивидуального и коллективного бессознательного (природная, хозяйственно-экономическая, правовая, национально-патриотическая и др.), определяющие отношение человека к окружающим его явлениям, событиям, процессам².

Менталитет является относительно постоянной исторической величиной. И даже когда по мере развития социума появляются внутренне дифференцированные формы «высокой» культуры – философия, теология, наука, искусство и др., его своеобразие в значительной мере определяется глубинными структурами самосознания. Вот почему в современном мире, несмотря на набирающие силу процессы глобализации, интеграции и рационализации, сохраняются межэтнические различия даже в рамках отдельных стран, не говоря уже о цивилизационных различиях. Однако все течет, все изменяется, в том числе и ментальность народов. Это может происходить стихийно – под воздействием внешних обстоятельств, а может и целенаправленно – в результате соответствующей деятельности социальных институтов (например, политики государства). Суть их – обеспечить более эффективную адаптацию общества к вызовам и ритмам истории.

Наша страна переживает время больших перемен. Динамика и успешность социального обновления зависят (и будут зависеть) от сцепления и взаимодействия самых разнообразных факторов – и объективных, и субъективных. Одним из важнейших среди них является самосознание народа, его менталитет.

Феномен национального менталитета является «сквозной» проблемой, которая должна учитываться при разработке государственных программ модернизации (в том числе инновационного развития страны), при структурной перестройке экономики, принятии управленческих решений, создании и «запуске» механизмов социальной самоорганизации, поддержке предпринимательства и бизнеса, в практике обучения и воспитания и т. д. Именно творческий потенциал народа, его воля к действиям как организующая и побуждающая сила определяют успешность и конкурентоспособность страны. Задача «субъективного фактора» (институтов управления) – обеспечить необходимые для этого условия: правовые, организационные, финансовые, административные. Но прежде необходимо знать, что собой представляет этот социальный ресурс, что от него следует ожидать и какие возможные коррективы в него следует внести, для чего необходимо его исследование, в нашем случае – белорусского менталитета. Без этого нельзя эффективно проводить в жизнь реформы. Учеными-белорусистами

¹ Их анализ см.: Королев, А. А. Этноменталитет: сущность, структура, проблемы формирования / А.А. Королев. М., 2011.

² Полежаев, Д.В. Феномен менталитета общества: сущность и понимание / Д.В. Полежаев // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 3. С. 119–120.

осуществлена большая работа по изучению разных аспектов национального самосознания³. В последнее время в данный процесс активно включились социологи⁴. Об этом речь идет в первой главе работы. До середины XX в. основной социальной группой белорусского общества было крестьянство. Вместе с тем сводить историческое самосознание белорусского народа к ментальности его основной части – крестьянства едва ли корректно. В историко-культурном наследии Беларуси значительное место принадлежит творчеству интеллектуальной элиты, в том числе философам. Труды отечественных мыслителей XVI–XIX вв. по политико-правовым и социально-нравственным проблемам не утратили своей актуальности и поныне. Однако долгое время они оставались практически неизвестными широкой общественности. Становление и эволюция институциональных форм белорусской государственности и культуры в XX–XXI вв. открывают реальную перспективу «встречи» двух потоков национального самосознания – народной культуры и рациональных форм теоретической рефлексии. Результатом ее должно стать конструирование новых образов Беларуси и белоруса. Свой вклад в этот «процесс» призвана внести и философская культура.

Философия как теоретическая система мировоззренческих знаний принимает самое непосредственное участие в процессах трансформации национального самосознания, формировании новых потребностей молодого поколения. Чтобы ответить на вопрос, какая философия нужна белорусам, следует вернуться к истокам исторической традиции – прежде всего к «эпохам возрождения», «точкам» ее роста, – подвергнуть анализу недавнее прошлое, осмыслить формирование новых европейских и постсоветских реалий, уяснить место и роль суверенной Беларуси в изменяющемся мире. Сравнивая себя с соседями, мы видим, что немецкая, французская или английская философия изучает прежде всего собственные проблемы, а не комментирует или приспособливает «чужие» концепции к собственной культурной и философской традиции. Там выражен, скажем так, «дух» той или иной нации. Стало быть, белорусская философия в определенной степени также должна быть средоточием национального духа и также должна «уметь выразить себя перед миром» (*P. Tagor*). Вместе с тем она является активной участницей формирующегося нового духовного миропорядка на просторах СНГ и современной Европы. Это означает, что национальная философия должна быть относительно автономной духовной сферой, но связанной с мейнстримом развития мировой философии. Только так она может подтвердить свою практическую значимость и стать неотъемлемым компонентом национальной культуры и идентичности, с одной стороны, и интегральным аспектом современных духовно-интеллектуальных процессов – с другой. (Рассмотрению традиции философствования в Беларуси посвящена глава 2 книги.)

Отечественная социальная и культурная динамика в исторической ретроспективе была обусловлена перманентными внешними вызовами, чаще всего несоизмеримыми по силе давления с возможностями адекватных на них ответов белорусского общества и государства. Это в существенной мере деформировало органическое взаимодействие структур и процессов национальной социальной и духовной *синергии* (содержание данного понятия будет раскрыто ниже). В ситуации обретения белорусским народом государственной независимости интенции социокультурной трансформации (в том числе национального самосознания) во многом зави-

³ См., напр.: *Жураўлёў, В.П.* На шляху духоўнага самасцвярджэння / В.П. Жураўлёў. Мінск, 1995; *Лыч, А.М.* Беларуская нацыя і мова / А.М. Лыч. Мінск, 1996; *Мікуліч, Т.М.* Мова і этнічная самасвядомасць / Т.М. Мікуліч. Мінск, 1996; *Салееў, В.А.* Нацыянальная самасвядомасць і мастацкая культура / В.А. Салееў Мінск, 1990; *Чернявская, Ю.В.* Народная культура и национальные традиции / Ю.В. Чернявская. Минск, 2009 и др.

⁴ См.: *Кириенко, В.В.* Менталитет современных белорусов как фактор общественного реформирования / В.В. Кириенко // Социология. 1999. № 1; *Русецкий, А.В.* Патриотические ценности студенческой молодежи в условиях социальной трансформации / А.В. Русецкий, Л.А. Гашенко // Социология. 2000. № 1; *Местовский, Н.А.* Состояние политической культуры студенческой молодежи в современном трансформирующемся обществе / Н.А. Местовский // Социология. 2000. № 2; *Фабрикант, М.С.* Объяснительные ресурсы имплицитных теорий национальной идентичности у белорусских студентов / М.С. Фабрикант // Социальный психолог. 2008. № 1 и др.

сят (и будут зависеть) от актуализации («запуска») механизмов социальной самоорганизации, преодоления исторических разрывов социальной и духовной синергии и порожденных этими обстоятельствами различных форм отчуждения человека (от собственности, власти, исторической традиции, культуры, права, языка, личностного достоинства и т. д.). (Об этом пойдет речь в главе 3 учебного пособия.)

Наконец, в приложении читателям будет дана возможность поразмышлять над актуальными проблемами бытия и культуры белорусского общества (как в его прошлом, так и в настоящем и будущем) вместе с современными белорусскими авторами, статьи которых представлены для обсуждения в полном или сокращенном виде.

Основной *целью* учебного пособия «История философской мысли Беларуси» является формирование универсальных социально-философских, конкретно-научных, гражданских и личностных компетенций, обеспечивающих активное и заинтересованное участие будущих специалистов в строительстве и укреплении белорусского государства и структур гражданской самоорганизации общества, инновационном развитии страны и трансформации национального самосознания. В результате студенты должны *знать*:

- причины, факторы и закономерности национального строительства в Европе;
- основные этапы этногенеза и этнического самосознания белорусов;
- ключевые понятия и категории белорусской социокультурной синергии;
- базовые ценности белорусского народа;
- исторические и культурные особенности отечественной интеллектуальной традиции;
- персоналии, основные периоды, содержание и логику развития философской мысли

Беларуси;

- круг проблем и задач, над которыми работают современные белорусские философы;
- взаимосвязь институциональных и спонтанных факторов в процессе формирования современной белорусской ментальности.

Они должны также *уметь*:

формулировать и аргументированно излагать суть основных тенденций, закономерностей и проблем белорусской социокультурной динамики;

- анализировать и интерпретировать взаимосвязь исторических и современных факторов формирования белорусского национального самосознания;
- применять социально-философские и конкретно-научные знания для анализа актуальных проблем национальной самоидентификации;
- выявлять взаимосвязь общего и особенного в историческом развитии философской мысли Беларуси;
- характеризовать своеобразие, содержание и основные направления современного белорусского философского дискурса;
- обосновывать значение и роль философии в трансформации национальной ментальности, адекватной вызовам современности;
- защищать и приумножать национальные культурные ценности;
- осуществлять осмысленный ценностный выбор, формулировать и определять свою жизненную позицию.

Учебное пособие подготовили: канд. филос. наук, доцент *Г.И. Малыхина* – введение, заключение, § 2.8; канд. филос. наук, доцент *В.И. Миськевич* – введение, заключение, гл. 1, 3; канд. филос. наук *И.Ф. Габрусь* – § 2.8; канд. филос. наук, доцент *Н.А. Кутузова* – § 2.4, 2.5; мл. науч. сотр. *Я.В. Тарасюк* – § 2.1–2.3; преп. *А.А. Минеева* – § 2.6, 2.7.

Глава 1

Социально-политический и культурно-исторический контекст формирования и развития самосознания белорусского народа

Як ад нараджэння звяры, што ходзяць у пустыні, ведаюць ямы свае; птушкі, што лятаюць у наветры, ведаюць гнёзды свае; рыбы, што плаваюць па моры і ў рэках, чуюць віры свае; пчолы і тым падобныя бароняць вуллі свае, – так і людзі, дзе нарадзіліся і ўскор млены, да таго месца вялікую ласку маюць

Ф. Скарына

1.1. Этносы и нации. Теория и практика национального строительства в Европе

Вторая половина XXначало XXI в. ознаменовалось рядом эпохальных геополитических событий – исчезновением советской коммунистической системы, распадом СССР, появлением десятков новых независимых государств. Эти масштабные трансформации резко активизировали проблему научного осмысления и переосмысления старых «образов» и представлений о народах, нациях, этнических группах и сообществах, в том числе входивших ранее в состав исчезнувших государственных образований. До 1970-х гг. роль этнического фактора в политических процессах учитывалась мало. В западных демократиях исповедовался либеральный принцип этнокультурного нейтралитета государства – приоритет прав и свобод индивида над правами социальной группы. Этот принцип и соответствующий ему подход к решению этнических проблем был закреплен в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, других основополагающих международных документах. Однако последние десятилетия мировой истории показали, что права солидарности (права социальных групп) приобретают все большее значение. Вместе с тем попытки их практической реализации нередко сопровождаются насилием и усилением региональной напряженности (Ближний Восток, Кавказ, Балканы, отдельные страны Европы). Данные явления обуславливают актуальность и важность теоретического осмысления этнических процессов и прав этносов на социокультурное и политическое самоопределение.

Идеология в области этнонациональных отношений в СССР вырабатывалась в верхних эшелонах власти. Ее суть сводилась к декларативному признанию равноправия наций (в том числе их права на самоопределение), с одной стороны, а с другой – жесткому отслеживанию и контролю любых попыток самостоятельного проведения в жизнь национальнокультурной политики субъектов Союза. Ученым оставалось лишь комментировать принимаемые «верхами» решения. Ставка на формирование новой исторической общности – советского народа, как показал исторический опыт, была несостоятельной. Накопившиеся этнические проблемы (территориальные, расовые, культурные, социально-психологические, языковые) создали тот взрывной потенциал, «разряд» которого привел к дезинтеграции Советского Союза.

В настоящее время проблематика *этнологии* (науки об этносах, народах) и связанных с ней этнополитологии, этнопсихологии, этнолингвистики активно разрабатывается западными учеными. Отечественная наука к систематическому, идеологически неангажированному исследованию национальноэтнических проблем только приступает. Их объективное теорети-

ческое понимание важно и с точки зрения выработки практикоориентированной стратегии развития белорусского общества и государства. Модернизация и адекватный ответ (в виде законов, государственных программ, инвестиций и действий) на вызовы глобализации со стороны суверенного белорусского государства должен базироваться, с одной стороны, на научно обоснованных концепциях, а с другой – на реальных интересах белорусского социума.

Что такое этнос?

Этнос – специфическая социальная группа, которая возникает в ходе естественноисторического процесса. В научной литературе существует немало определений этноса, однако, как отмечают исследователи⁵, адекватно понять его можно

только установив базовые, системные признаки. К базовым системным признакам относятся:

- общее биологическое происхождение (его члены верят, что произошли от общих предков);

- общая территория, на которой протекает хозяйственная и социокультурная деятельность этноса (с течением времени в силу различных исторических метаморфоз территория первоначального этногенеза может не совпадать с территорией последующего проживания этнического сообщества, что может являться источником многочисленных конфликтов). Общность территории (ее ландшафт, климат) определяют специфический физический тип человека, психический склад этноса, отчасти его самоидентификацию;

- психологические черты, архетипы восприятия, верования, стереотипы поведения, системы родства, социальные отношения и взаимодействия формируют чувство этничности на глубинном, коллективно-бессознательном уровне;

- культура (материальная, социальная и духовная);

- язык (предпосылка и способ осознанного существования этноса).

Способность этноса выделять и противопоставлять себя другим этническим сообществам, различать «своих» и «чужих» является маркером (этноопределяющим признаком) сформировавшегося этнического самосознания. Внешне оно выражается в самоназвании. Совокупность всех вышеназванных признаков этноса, так или иначе проявляющихся в поведении *этнофоров*, т. е. носителей основных этнических черт, лежит в основе его самоидентификации. Только специфическое сочетание вышеназванных признаков, а также выделение ведущих среди них (у одних этносов это может быть язык, у других – быт, у третьих – черты поведения и т. д.) позволяет выявить и понять своеобразие этноса как явления биосоциального.

Этнос и нация

На высшем уровне своего развития этнос (если удастся) создает собственную государственность и превращается в **нацию** (этнонацию). Вместе с тем этническое меньшинство, живущее в составе доминирующего национального государства, также может превратиться в нацию, если достигнет достойного политического статуса и удовлетворения своих особых прав⁶.

В этом случае этногенез приобретает новое качество. В донациональных сообществах этническая идентичность формировалась в основном стихийно и закреплялась в традиционных формах и способах жизнедеятельности социальной группы. С обретением же государ-

⁵ Гумилев, Л.Н. Биосфера и импульсы сознания / Л.Н. Гумилев // Природа. 1978. № 12. С. 97–98; Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. М., 1983. С. 16–17.

⁶ Налчаджян, А.А. Этнопсихология / А.А. Налчаджян. СПб., 2004. С. 20.

ственности эти формы и способы, а также содержание сознания, самосознание этноса начинают целенаправленно конструироваться и изменяться. В этнологии XX в. возникло даже примечательное направление – *конструктивизм*, сторонники которого полагают, что нация создается в соответствии с определенными целями, ценностями и интересами, а акторами данного процесса являются социальные элиты и интеллигенция.

«Веком национализма» традиционно считается XIX в. Импульс к строительству современных наций-государств в Европе был дан Великой французской революцией. Ее идеологи наделили понятие «нация» принципиально новым содержанием и тем самым осуществили замену самого субъекта нации. Не менее интенсивно процесс нациообразования шел и в XX в. В результате распада мировой колониальной системы и масштабной национально-государственной «перестройки» социалистического лагеря в мире появилось около сотни новых государств, в том числе 23 в Европе и экс-советской Евразии. Этнополитические процессы, которые наблюдаются в современном мире, дают все основания предполагать, что «топлива в националистическом реакторе хватит еще не на одно десятилетие нового столетия»⁷.

Термин «нация» (от фр. *nassi* – рожден) в средневековой традиции употреблялся достаточно широко и означал родовую общность. Однако критерии отнесения индивидом себя к той или иной «нации» были достаточно произвольными. Так, ученые мужи Сорбонны XIII в. полагали, что итальянцы, испанцы и греки принадлежат к «галльской» нации, а немецкие, польские и скандинавские студенты, учившиеся в университетах Англии, входят в состав английской нации⁸. Согласно документам Констанцского церковного собора (1414–1417), к «германской нации» наряду с немецкоязычными духовными иерархами относилось духовенство Англии, Венгрии, Польши, а в состав «итальянской нации» были включены представители Греции, Славонии и Кипра⁹.

Самым главным было то, что в эпоху Средневековья право называть себя «нацией» принадлежало лишь высшим сословиям. Подавляющее же большинство населения, т. е. массы «простых подданных», подобным правом не обладало. Вот почему эпохальным событием европейской истории стало то, что в 1789 г. французское «третье сословие» (в лице своих идеологов) объявило себя нацией, а Французская академия дала принципиально новое определение, послужившее впоследствии основой для утверждения концепта гражданской политической нации. Согласно этому определению, *нация* – это совокупность всех жителей «одного и того же государства, одной и той же страны, которые живут по одним и тем же законам и используют один и тот же язык»¹⁰.

Данной идее с течением времени было суждено превратиться в фундамент социокультурной связанности и групповой идентичности, стать реальной основой продуцирования многочисленных образов «мы» и «других» – этносов, культур, конфессий. Идея нации открыла перед модернизирующейся Европой перспективу социального творчества и инновационных социальных преобразований.

Однако важно подчеркнуть, что в первоначальный период лишь либерально настроенное меньшинство интеллектуалов оказалось в состоянии исповедовать новые ценности. Чтобы их стало разделять большинство, понадобилось более столетия. Укоренение в массовом сознании идеи «народа-нации» требовало системных изменений в менталитете, самосознании народов и прежде всего формирования в общественном сознании народа коллективного образа и имени собственного («мы французы», «мы немцы», «мы чехи» т. д.). О том, насколько это было непросто, свидетельствует, например, тот факт, что даже в середине XIX в. во Франции с ее

⁷ Буховец, О. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть первая) / О. Буховец // Современная Европа. 2008. № 4. С. 33.

⁸ Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе / У Альтерматт. М., 2000. С. 33.

⁹ Там же.

¹⁰ Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе. С. 33–34.

многовековой централизованной государственностью «всякий новопоселенец, прибывший из соседней округи, был чем-то вроде «иностранца» и вызывал подозрение и враждебность»¹¹. В Италии (и Германии) после создания государства национальная идея формулировалась вообще парадоксально: «Мы создали Италию, теперь нам нужно создать итальянцев»¹², (применительно к Германии – «немцев»). Еще более сложной была аналогичная задача для народов России, Австро-Венгрии, Османской империи, не имевших своих государств вплоть до конца Первой мировой войны. В XIX в. усилиями политиков, правоведов, ученых, деятелей культуры были созданы национальные «мифосимволические комплексы». Будучи специфическими для каждой страны, они тем не менее содержали и общие типологические черты. Во-первых, нации изображались в них как существующие с незапамятных времен, а не как недавние политические оформления социокультурных различий. Во-вторых, они содержали в себе идею «пробуждения» нации, неизбежно наступающего после длительного исторического «сна». В-третьих, предполагалось наличие внутренних и внешних врагов, не заинтересованных в таком «пробуждении»¹³.

Важнейшее место в созданных «мифосимволических комплексах» принадлежало «национальным традициям». Решающую роль в их конструировании сыграла националистическая «колонизация истории, исходящая из современности»¹⁴. Заинтересованный подход к историческому материалу, в зависимости от конкретных задач социального мифотворчества, позволял либо «вспоминать» то, чего в истории не было, либо «забывать» в ней то, что было»¹⁵. Еще одним компонентом таких комплексов являлся пантеон выдающихся деятелей национальной истории. Это «грамматисты» – исторические персонажи, которые выпестовали язык, зафиксировали на нем отеческое предание; «отцы нации» – создатели государства; герои-победители; борцы за свободу; личности, внесшие значимый вклад в развитие общества и культуры. Важное воспитательное значение отводилось также знаменательным историческим датам и событиям, священным местам, государственным и культурным символам¹⁶.

Сконструированный национальный «мифосимволический комплекс» надлежало превратить в «факт» общественного сознания, используя систему образования, потенциал искусства, средства массовой информации, церковь, науку, праздники и церемонии. Практической реализацией этой задачи были заняты интеллектуалы, а весь процесс в целом направлялся и контролировался властью. Итогом должно было стать формирование нового типа личности и специфического (национального) самосознания.

Необходимым условием успеха проекта «народ – нация» стали программы всеобщего обучения. Они преследовали двоякую цель – подготовку квалифицированных кадров для развернувшейся в странах Европы модернизации и патриотическое воспитание молодежи. Достойное место отводилось формированию в массовом сознании образа Родины, появлению в менталитете народа чувства общенациональной солидарности. Важнейшая роль в этом процессе отводилась государственному языку, т. е. нормированному литературному языку.

В доиндустриальный период с характерным для него преобладанием замкнутых мирков сельского неграмотного населения эти задачи были неосуществимы. Так, во Франции центра-

¹¹ Weber, E. Peasant into Franchmen / E. Weber // The modernization of Rural France. 1870–1914. Stanford, 1976. P. 90.

¹² Хобсбаум, Э.Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в Европе / Э.Дж. Хобсбаум // Нации и национализм. М., 2002. С. 335.

¹³ Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма / Дж. Бройи // Нации и национализм. М., 2002. С. 206; Геллнер, Э. Пришествие национализма / Э. Геллнер. М., 2002. С. 173.

¹⁴ Смит, Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. М., 2002. С. 256.

¹⁵ Геллнер, Э. Пришествие национализма. С. 192.

¹⁶ Тульчинский, С.Л. Нация или охлос? / С. Л. Тульчинский // Философские науки. 2011. № 5. С. 38–39.

лизация в языковой политике началась еще в XVI в. Однако и в середине XIX в. «для половины граждан страны французский оставался иностранным языком»¹⁷.

С большими проблемами в последовательном продвижении «в народ» литературного немецкого языка через систему образования и средства массовой коммуникации сталкивалась и Германия. Язык сыграл важнейшую унифицирующую роль в выработке общенемецкого сознания, однако его диалекты (берлинский, баварский, саксонский и др.) сохранились и по сей день. Отметим, что политика национального строительства нередко принимала там жесткие формы, особенно когда речь шла об ассимиляции нетитульных этносов, т. е. национальных меньшинств. Например, в начале XX в. на польском языке (поляки – самое многочисленное из меньшинств Германии) было запрещено преподавание в народных школах и даже богослужение в костелах. Это делалось на немецком.

Рассмотренные выше аспекты национального строительства были связаны с политикой целенаправленного формирования либеральных ценностей в менталитете формирующихся новых социально-политических общностей. Подчеркнем, что практическая реализация идеалов Французской революции осуществлялась в контексте фундаментальных социально-экономических преобразований, вызванных к жизни промышленным переворотом и научно-технической революцией. Город и индустрия кардинальным образом изменили характер хозяйствования, систему социальных отношений, механизмы формирования власти, систему законодательства, способы коммуникации, характер внутренней миграции. Обусловленные этими процессами социальная мобильность и социальная динамика, свобода личности и установка на инновации стали характерной особенностью появившейся новой – техногенной – цивилизации. Принцип «народ – нация» законодательно был провозглашен главным источником власти в конституциях демократических стран Европы.

Современный исследователь У. Альтерматт процесс национального строительства в Европе подразделил на три временные зоны. К первой он отнес Англию, Францию, Швецию, Данию, Нидерланды, ко второй – Германию и Италию, а к третьей – Австро-Венрию, Россию и Османскую империю.

Естественно, что в силу специфических для каждой страны «стартовых условий» рассматриваемые процессы протекали по-разному в различных временных зонах национального строительства. Так, в странах *первой временной зоны* заметно уменьшились не только субэтнические, но и межэтнические культурно-ментальные различия. Например, в Великобритании была реализована модель создания *политической нации британцев*, а не этнокультурной нации англичан, ведь последняя предполагала бы «англизацию» шотландцев, ирландцев и валлийцев. Задача явно нереализуемая и сегодня. Одним из результатов этой модели явилось существенное потепление отношений между англичанами, с одной стороны, и шотландцами и валлийцами – с другой. Во Франции действовала *этнокультурная ассимиляционная модель*, которая требовала включения в общность «французов» также иноэтничных эльзасцев, бретонцев и корсиканцев не только в политическом, но и культурном смысле.

А вот в странах *второй временной зоны* к началу XX в. остались весьма существенными даже субэтнические дистанции. В Германии, например, установка на создание этнокультурной нации путем ассимиляции поляков, чехов, датчан, лотарингцев не только не увенчалась успехом, но и явилась одной из причин ослабления «второго рейха» в Первой мировой войне, его падения и потери Германией значительных территорий. Италия также не смогла осуществить интеграцию неитальянских этнических меньшинств, что и сегодня дает о себе знать в противоречиях между севером и югом страны. В итоге вопросы о том, насколько сицилийцы являются итальянцами, а баварцы – немцами, дискутируются и поныне.

¹⁷ Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе. С. 166.

Наибольшим драматизмом и остротой борьбы феномен рождения новых наций отличался в империях Восточной, Центральной и Южной Европы. Причина в том, что входившие в их состав этносы были недостаточно интегрированы и удерживались насильственно, поэтому пришедшая к ним с берегов Сены идея «каждой нации – государство» пала на благодатную почву. Практически повсеместно развернулась интеллектуальная активность по систематизации и структурированию форм и образов этнокультурной идентичности, выработке идеологии политического самоопределения, а вслед за ней – и борьба за политическую независимость. В итоге для слабоинтегрированной Австро-Венгрии идея «каждой нации – государство» стала подлинным троянским конем, подготовившим падение монархии и распад империи¹⁸. Рассмотрим подробнее некоторые моменты этого процесса. В «лоскутной» Австро-Венгрии он начался с противодействия Венгрии политике Австрии, направленной на германизацию населения империи. В ответ на объявление Венной государственным языком немецкого (вместо латыни) Королевство Венгрия на своей территории объявило государственным мадьярский язык. Основными направлениями национализации народов полиэтнического королевства (по численности превосходившего население современной Венгрии в два раза) выступали образование на венгерском языке, открытие новых университетов, массовое распространение историко-патриотических знаний, мадьяризация имен, фамилий, географических названий, пропаганда национального фольклора, культурная ассимиляция этнических меньшинств. Важнейшим динамическим фактором этого процесса явился бурный рост городов, обусловивших беспрецедентную интенсификацию и интеграцию межэтнических коммуникаций в рамках ценностей венгерской культуры. Вместе с тем отметим, что попытка мадьяризации иноэтнических меньшинств – немцев, хорватов, румын, весьма далеко отстоявших от венгров в культурно-языковом отношении, особого успеха не имела. И подобно тому, как курс Австрии на германизацию дал мощный импульс венгерскому национальному строительству, так и мадьяризация в свою очередь дала толчок этнонациональному ренессансу в Венгрии немадьярских народов¹⁹.

Иным путем пошли чехи. Поскольку административный ресурс у чешских земель был значительно меньше, чем у венгров, основную ставку они сделали на народное образование, культуру, средства массовой коммуникации и потенциал урбанизации. В определенных отношениях чешский опыт может рассматриваться как весьма полезный и для нашей страны. Если в 1853 г. в Чехии не было ни одного чешского лица, то в 1913 г. там функционировали 63 гимназии и 45 технических учебных заведений. Чешских крестьян, переселявшихся в города, встречала налаженная система образования и СМИ на родном языке. Города, столетия служившие центрами немецкой культуры, поразительно быстро стали чешскими. Консул Германии в Праге писал в 1898 г.: «В то время как еще 25 лет назад тип города был совершенно немецким, сегодня Прага, без сомнения, совершенно чешский город»²⁰. Нас, однако, в наибольшей степени интересует, в какой степени идеи «национализации» были восприняты и получили развитие в Российской империи.

Во второй половине XIX – начале XX в. в России начался процесс модернизации по западному образцу. Но к 1913 г., несмотря на впечатляющую динамику индустриального роста, промышленность обеспечивала лишь 27 % ВВП, доля городского населения составляла 15 % от общей численности населения, почти три четверти жителей империи были неграмотными²¹. По показателю элементарной грамотности (а народное образование служит абсолютно необходимым условием «национализации») Россия сильно уступала Австро-Венгрии, не говоря уже о

¹⁸ Буховец, О. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть первая). С. 41.

¹⁹ Буховец, О. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть первая). С. 39.

²⁰ Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе. С. 166.

²¹ Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 2. / Б.Н. Миронов. СПб., 1999. С. 284–305.

других европейских странах. Так, в 1914 г. в ней на 1 тыс. жителей приходилось 59 учащихся, тогда как в Австро-Венгрии – 143, в Великобритании – 152, в Германии – 175²².

Общий дефицит модернизационного потенциала России самым непосредственным образом отражался на мировоззрении даже наиболее «перспективных» с точки зрения национального самоопределения этносов империи – поляков, эстонцев, латышей, литовцев, а также народов Закавказья и Средней Азии. Отсутствие у них собственной элиты, ориентированной на национальные интересы, своего городского среднего класса, низкий уровень урбанизированности обусловили запаздывание у названных этнических меньшинств «пробуждения» национального сознания по сравнению с народами Австро-Венгрии. Ситуация коренным образом изменилась в связи с событиями Первой мировой войны и двух русских революций. Патриотически настроенные национальные активисты латентный потенциал «национальных идей» сумели быстро превратить в мощный фактор общественного сознания. Тем самым, по удачному выражению М. Гроха, революции обеспечили переход национального движения из фазы патриотической агитации в фазу массового политического действия²³. В западных и юго-западных губерниях России данный процесс имел свои особенности. Во-первых, они проистекали из сосредоточения в них пятимиллионного еврейского населения (в силу закона о «черте оседлости» – проживание на указанной территории). Так, в начале XX в. удельный вес евреев в Кишиневе составлял почти 46 %, в Минске – 43,3, в Вильно – 40, в Екатеринославе – 35,4, в Одессе – 30,8 %. Соответственно молдаван, белорусов, литовцев и украинцев в названных городах проживало 17,6; 8,2; 2,0; 15,8 и 9,4 %²⁴.

В силу политики самодержавия, направленной на культурную ассимиляцию евреев, их интеграцию с господствующей (русской) культурой, они объективно были не только носителями, но и проводниками русского языка и культуры. Во-вторых, в крупнейших городах запада и юго-запада России доля самого русского населения составляла не меньше 20 %. В Вильно, например, вместе с евреями русские составляли 3/5 населения, а в Минске – 3/4²⁵. Кроме того, административно-властный ресурс в этих регионах был направлен на обеспечение в первую очередь интересов самодержавия и титульной нации. Переселявшиеся в города белорусские, украинские, литовские и молдавские крестьяне попадали там совсем не в то социокультурное окружение, которое могло бы обеспечить их национализацию по венгерской или чешской модели. Напротив, они постепенно превращались в «русских», хотя в силу культурно-языковых различий этот процесс у разных этносов протекал с неодинаковой скоростью. После отделения от России Прибалтики и Бессарабии процессы русификации были там свернуты.

По иному сложились исторические судьбы белорусского и украинского народов. Неудача местных национальных сил в деле создания независимых Белорусской и Украинской народных республик была обусловлена комплексом причин. Основная среди них – отсутствие в массовом сознании белорусов и украинцев образа России как «другого». Подробнее об этом речь пойдет ниже. А пока вернемся к истокам и акцентируем ключевые моменты формирования и эволюции белорусского этноса и национального самосознания в контексте социокультурных вызовов и ответов истории.

²² Там же. С. 387.

²³ Грох, М. От национальных движений к полностью сформировавшимся нациям: процесс строительства наций в Европе / М. Грох // Нации и национализм. М., 2002. С. 125.

²⁴ Буховец, О. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (Часть первая). С. 43.

²⁵ Шибeko, З.В., Шибeko, С.Ф. Минск: Страницы жизни дореволюционного города / З.В. Шибeko, С.Ф. Шибeko. Минск, 1990. С. 11.

1.2. Исторические предпосылки и теоретико-методологические основания анализа этногенеза и этнического самосознания белорусов

К истории белорусского этноса

Как этнос белорусы входят в более широкие метаэтнические сообщества: восточнославянское (вместе с русскими и украинцами) и славянское. Проникновение славян на территорию современной Беларуси началось в VI–VII вв. н. э. В то время она была заселена балтскими племенами. В последующие столетия происходит массовое расселение племен пришельцев, сопровождавшееся ассимиляцией и вытеснением аборигенов на север. В IX в. на базе таких племенных сообществ, как кривичи, дреговичи и радимичи, возникают первые протогосударственные объединения с центрами в Полоцке и Турове. Данные племена сыграли важную роль в формировании восточнославянского этноса и его территории, получившей общее название «Русь». Первоначально этот термин был именем небольшой и быстро ославяненной группы знати скандинавского происхождения – «варягов», отличавшихся колоссальной пассионарностью. С утверждением их господства над восточнославянскими племенами данный этноним распространился вначале на местное среднеднепровское население (полян), его территорию и культуру, а вскоре и на жителей созданного ими восточнославянского государства, которое стало именоваться Киевской Русью. К IX в. в ее состав были включены земли, заселенные кривичами, дреговичами и радимичами.

Рамки обширного и мощного государства благоприятствовали цивилизационным процессам и прежде всего возникновению и росту городов. В X–XII вв. основываются Брест, Витебск, Волковыск, Гродно, Логойск, Минск, Орша, Пинск и др. Политическая реформа князя Владимира (7-1015), в соответствии с которой великими князьями отдельных «регионов» могли быть только сыновья или родственники великого Киевского князя, проводимая ими политика «русификации» способствовала сближению восточнославянских племен и вела к формированию общих черт в их культуре, социальном характере и языке. Мощным фактором духовной интеграции населения формирующегося молодого государства стало крещение Руси в 988 г. по греко-византийскому (православному) обряду. Прежние названия племен (кривичи и др.) постепенно выходят из употребления (последнее упоминание в летописи – в 1141 г.). Повсеместно утверждается новое название народа – «русские», а государства – «Русь».

Данный политоним, укоренившись, сохранился и в период феодальной раздробленности Руси, когда ее население, в том числе и белорусских земель, проживало в самостоятельных княжествах-государствах. В XIII в. он вошел в название нового государственного объединения, частью которого стала и территория Беларуси, – Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское (соответствующим был и титул великих князей). Данное название объясняется прежде всего этническим многообразием населения Великого Княжества Литовского (ВКЛ). К тому же и сами «русские» отнюдь не являлись гомогенной общностью. Они различались языковыми диалектами, обрядами, вероисповеданиями (жители западных регионов дольше других оставались язычниками) и даже генотипически. Так, обитатели Поприпятыя были низкорослыми и черноволосыми, а Принеманья и Подвинья – высокорослыми, светловолосыми и светлокожими. Собственно территория расселения последних и получила название «Белая Русь» (с XIII в.), а ее жители стали именоваться «белорусцами». С течением времени произошло распространение данного этнонима на другие регионы, включая смоленские и некоторые московские земли.

Так конспективно выглядят первоначальные «моменты» генезиса отечественной истории. Вместе с тем в белорусской историографии нет единства мнений как об истоках и факторах происхождения собственно белорусов (существуют «финская», «балтская», «древнерусская» и другие гипотезы²⁶), так и относительно времени их формирования и эволюции этнического сознания. Т.Н. Микулич, например, отстаивает тезис, согласно которому этническое самосознание белорусов сформировалось не ранее XIX в.²⁷ М.Ф. Пилипенко полагает, что оно возникло еще во времена позднего Средневековья вместе с белорусским языком²⁸. Я.Ф. Карский главным фактором формирования белорусского этноса считал политический: возникновение ВКЛ обусловило консолидацию социума и тем самым стимулировало развитие национальной культуры и языка²⁹. В.И. Пичета, разделяя эту точку зрения, подчеркивал также роль экономического контекста в процессах этнической интеграции³⁰. В.В. Седов ключевыми в этом процессе считает два исторических события: экспансию славян на балтскую территорию и полонизацию ВКЛ³¹.

Однако с философско-методологической точки зрения представляется, что акцентирование одного или нескольких факторов в качестве определяющих этногенез и генезис этноса народа едва ли продуктивно. В связи с этим обоснованным представляется утверждение С.А. Подокшина о том, что «нашай беларускай гістарычнай навуцы не стае філасофскай канцэптуальнасці, тэарэтычных абагульненняў»³². Этот факт, продолжает ученый, «абумоўлівае і той востры канцэптуальны канфлікт, які ў апошні час існуе ў асяроддзі беларускіх гісторыкаў»³³. Вот почему необходима экспликация, т. е. прояснение сути основных понятий, описывающих изучаемый предмет, репрезентация его как системной целостности, выявление механизмов и факторов отечественной социокультурной динамики, анализ «вызовов» и «ответов». И еще: изучение отечественной истории и культуры должно исходить из национальных интересов белорусского народа, патриотического отношения к своему прошлому. Как итог: «без філасофскага абагульнення гісторыі... немагчымы адэкватная грамадзянская самасвядомасць, веданне народам сваей сапраўднай гістарычнай рэтраспектывы і перспектывы»³⁴. Сформулируем некоторые ключевые понятия, исходные методологические принципы и установки анализа рассматриваемой проблемы.

Определение общества

Общество (социум) – это многомерное пространство (территориальное, геополитическое, экономическое, социальное, ментальное и т. п.) самоорганизации людей, реализующейся через систему многовекторных действий – как институциональных, направленных на оптимизацию функционирования социума в качестве целостности, так и неинституциональных, спонтанных, ориентированных на удовлетворение партикулярных интересов социальных групп и отдельных индивидов. Действия первого рода обнаруживают себя в деятельности прежде всего государства и различных его институтов – политических, правовых, художественных, образовательных, религиозных, а второго – в частной инициативе людей. В своей совокупности они

²⁶ См. обзор: Беларусь. Вытокі і этнічнае развіццё: у 6 т. Т. 4. Мінск, 2000. С. 6–8.

²⁷ Микулич, Т.А. Этноязыковые процессы и системы национального самосознания / Т.А. Микулич. Минск, 1991. С. 17.

²⁸ Пилипенка, М. Ф. Змест і формы першапачатковай этнічнай самасвядомасці беларускага народа: Кн. 2 / М.Ф. Пилипенка // Беларусіка. Фарміраванне і развіццё этнічнай самасвядомасці беларусаў. Мінск, 1992. С. 70–73.

²⁹ Карский, Е. Ф. Введение в изучение языка и народной словесности / Е.Ф. Карский. Вильно, 1904. С. 113–114.

³⁰ Пичета, В.И. Образование белорусского народа / В.И. Пичета // Вопросы истории. 1946. № 5–6. С. 19–20.

³¹ Седов, В.В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья / В.В. Седов. М., 1970. С. 182, 192.

³² Подокшын, С.А. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры / С.А. Подокшын. Мінск, 2003. С. 42.

³³ Подокшын, С.А. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры. С. 42.

³⁴ Там же. С. 65.

образуют континуум ответов того или иного социума на идущие извне и изнутри вызовы. По своему содержанию ответы могут быть направлены либо на сохранение существующего статус-кво (положения вещей), либо на его преобразование. Разумеется, противопоставлять их резко и абсолютно не следует, поскольку любое общество является открытой системой, способной при соответствующих условиях к трансформациям.

Социум – это синергетический объект, функционирующий в режиме многовекторных обменов с окружающей средой, а его эволюция (или инволюция) представляет собой нелинейную, стохастическую последовательность сменяющих друг друга состояний стабильности, порядка (организации) и дезинтеграции (хаоса). Наиболее «чувствительным» к идущим извне и изнутри вызовам общество становится в ситуации кризиса (в периоды социальных катастроф, вызванных войнами, революциями, смутами, разuverенностью людей в прежних богах и идеалах и т. д.).

Динамика социума

В подобные моменты исключительное значение приобретает активность творческого меньшинства (элиты) и свобода личности, их идеи и дела, единичные события, которые «запускают» механизм самоорганизации. Если он «срабатывает» до конца, то захватывает все сферы и уровни общественной жизни, выводя социум в новое культурно-историческое измерение (не всегда, однако, более высокое). В отечественной истории к числу подобных «точечных» событий можно отнести подвижничество духовно-нравственное служение Е. Полоцкой, эгоистические устремления Ягайлы, реформационно-гуманистическую деятельность Ф. Скорины, гражданско-патриотическую позицию Л. Сапеги, унию с Польшей и т. д. Все они оказали серьезное, хотя и разное по своим последствиям влияние на направленность и особенности развития отечественной истории и культуры.

Понятие «социокультурная синергия»

Эвристически интересным представляется также анализ проблемы формирования и развития этногенеза и этнического самосознания белорусов с точки зрения такого идеально-типического конструкта, как *социокультурная синергия*. Термин «синергия» в переводе с греческого буквально означает «содействие», «сотрудничество», «со-работничество». Данное понятие вошло в интеллектуальный обиход европейской культуры значительно раньше, чем известное сейчас название науки о самоорганизации – «синергетики». Так, наряду с термином «виртуальность» оно активно использовалось еще в средневековой философии и служило для обозначения специальных практик содействия, сотрудничества человека и Бога. В современной философской и научной литературе используются выражения «духовная синергия», «социальная синергия» для характеристики особых состояний общественного бытия и сознания. Более общим по отношению к ним «идеальным типом» (родовым понятием) является категория «социокультурная синергия». *Социокультурная синергия* – это системное единство образующих общество социальных групп и общностей, институтов, нормативно-коммуникативных структур, сетей, стратификаций, социальных ролей, маргинальных слоев, субкультур, форм сознания и т. д., функционирующих в режиме взаимодополнения, взаимопроникновения и обеспечивающих его целостность и органический рост. Данное единство достигается посредством как целерациональных, так и спонтанных, стихийных действий людей. Будучи противоположностями, они не только «отрицают» (диалектически), но и дополняют друг друга. Их взаимодействие определяет динамику самоорганизации и развития социума. При этом социальная спонтанность является одной из важнейших форм манифестации свободы личности и необходимой предпосылкой исторического инновационизма.

Процессы социальной самоорганизации могут протекать как стихийно-спонтанно, так и целерационально в тех границах, которые полагаются соответствующими институтами (например, *правовыми* – разрешено все, что не запрещено законом; *традицией* – дозволено все, что не выходит за рамки обычая и ритуала и т. д.). Соотношение между стихийными и институализированными «моментами» процессов самоорганизации в различные исторические периоды (организации или хаоса) одного и того же общества, а также в разных типах социумов может существенно варьироваться. Очевидно, что в традиционных обществах (или тоталитарных) возможности для индивидуальной или групповой самостоятельности (инновационных действий) жестко регламентированы; в демократических же такие возможности защищаются законом. Оптимальное сочетание данных «моментов» предполагает такое их динамическое равновесие, при котором сходились бы интересы целого (общества) и отдельного (личности). Накопленный социокультурный опыт закрепляется в структурах ментальности, социальных институтах и практических действиях людей.

Изложенное выше можно обобщить и в терминах классической социально-философской рефлексии. С точки зрения диалектики любое содержание предполагает наличие определенной формы (оформленности). Последняя, как известно, не сводится только к внешним проявлениям, «оболочке» того или иного феномена, но выступает как внутренний системообразующий и структурирующий содержание принцип (закон). В жизни этносов такими принципами, определяющими их исторические судьбы, могут быть религия (самый впечатляющий пример – евреи с их способностью к сохранению собственной идентичности), язык и традиция (цыгане) либо чаще всего – государство. Последнее наиболее универсально и эффективно, поскольку для структурирования содержания общественной жизни оно использует не только «естественные» механизмы самоорганизации (установки общественной психологии, язык, традиции), но и «искусственные» (от социальнокультурных учреждений до силовых институтов).

Исторические обстоятельства, обусловившие содержание и особенности белорусской социальной и культурной динамики, в существенной мере осложнили процессы формирования синергичных структур и отношений в белорусском обществе, в том числе национальной элиты и национального самосознания. Становление и развитие Республики Беларусь как суверенного государства во многом зависит от актуализации (запуска) механизмов социальной самоорганизации, преодоления исторических деформаций социальной и духовной синергии и обусловленных этими причинами различных форм отчуждения человека (от собственности, власти, исторической традиции, культуры, права, языка, личностного достоинства и т. д.).

Исходным пунктом здесь является выбор стратегических целей и ценностных ориентаций, способов и средств их реализации, а также определение акторов. Эта задача большой сложности. И при ее решении важно понимать, что проблемы настоящего всегда так или иначе связаны с прошлым, его традициями и особенностями, которые во многом определяют тип общества и человека. Их конкретно-научный анализ и социально-философская рефлексия являются необходимым предварительным условием «понимающей» модернизации. Другими словами, отрефлектированный опыт прошлого, запечатленный в структурах национального самосознания, национальном характере, стереотипах поведения людей, должен учитываться при разработке перспективных программ развития белорусского общества и государства, принятии управленческих решений, разработке нормативной базы, мобилизации ресурсов и т. д. Вот почему исследование и постижение такого важнейшего компонента национальной самобытности, как этноменталитет, имеет большое теоретическое и практическое значение.

1.3. Белорусская социальная и духовная синергия в XIII – первой половине XVII в.

Белорусский этнос XIII–XVII вв.

Средние века (XIII–XIV) – время начала собственно белорусской истории, т. е. формирования белорусского этноса и государственности. Данный процесс в существенной мере был инициирован новыми внешними вызовами – агрессией с юга (татары) и севера (крестоносцы). В такой ситуации естественным оказалось смещение географической «точки роста» молодого этноса в центральную часть его расселения – приеманский ареал. Административным центром края становится Новогрудок. По приглашению местных бояр княжеский трон занял Миндовг. «У 1251 г. князь быў ахрышчаны паводле каталіцкага абраду, а ў 1253 каранаваўся ў Наваградку каралеўскай каронай, прысланай ад імя папы Інакенція IV»³⁵. Параллельно с ростом «старых» городов возникали новые: Лида, Слоним, Несвиж, Речица и др.

Перед лицом существующих угроз, а также на основе сложившихся ранее хозяйственных связей быстро шел процесс объединения белорусских земель с соседними (прежде всего с литовскими, а затем с украинскими), завершившийся возникновением нового интегрированного государства – Великого Княжества Литовского со столицей в Вильно (1323). Этот процесс осуществлялся частично путем завоеваний, частично путем добровольного присоединения «русских» земель к основному государственному ядру, которое называлось Литвой. При этом, как подчеркивает М.К. Любавский (блестящий ученый, ректор Санкт-Петербургского университета в начале XX в.), «сила оружия» имела второстепенное значение. В возникшем государственном союзе доминировала «русская стихия» (белорусско-украинская), т. е. «русские» порядки, русская «вера» и «мова». По-белорусски изъяснялся Ягайло и его двор³⁶.

Следует подчеркнуть, что в истории новые государственные образования возникали в силу стечения различных обстоятельств. Так, в середине VII в. протоболгары – тюркские племена во главе с князем Аспарухом оказались на территории южнославянских племен, известных под названием «семи родов». Аристократия обоих этносов заключила между собой соглашение, в соответствии с которым главенство (власть) отходила к протоболгарской знати. Формирующееся государство стало называться Болгарией, а население – болгарами. С течением времени пришлое племя было ассимилировано местным славянским населением. История современной Англии началась аналогичным образом с ее завоевания нормандским герцогом Вильгельмом, который являлся вассалом французского короля. Исторический взлет Испании оказался возможным после заключения брачной унии между Изабеллой Кастильской и Луи Арагонским. Так что наш «случай» – отнюдь не уникальный.

Великое Княжество Литовское к началу XV в. стало одним из крупнейших государств Европы (его территория простиралась от Балтийского моря на севере до Черного на юге) и состояло из ряда отдельных земель – Новогрудской, Полоцкой, Витебской, Смоленской, Киевской, Волынской и др. Каждая из них обладала значительной автономией и стремилась к сохранению традиций. Принцип «старини не рухати» вел, однако, к автаркии – политической и экономической разобщенности разных регионов и тем самым к слабости государства. С укреплением власти великого князя в XV–XVI вв. княжества ликвидировались, а вместо них создавались воеводства – Полоцкое, Менское, Берестейское, Витебское, Трокское и др. Парал-

³⁵ Вялікае Княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. Т. 1. Мінск, 2005. С. 7–8.

³⁶ Любавский, М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавский. М., 1915. С. 35–41.

лельно с политической консолидацией центральная власть активно проводила политику юридическо-правовой интеграции своих земель, что нашло отражение в трех знаменитых Статутах ВКЛ (1529, 1566, 1588). Это стимулировало развитие внутригосударственных экономических связей, торговли, способствовало формированию единого рынка. Важную роль в данном интеграционном процессе играли города. В наиболее крупных из них проживало от 8 до 20 тыс. человек, а в Полоцке – крупнейшем урбанистическом центре Беларуси XV в. – около 30 тыс.

Существенным фактором политико-экономической интеграции страны стало введение в обращение на всей территории ВКЛ с первой трети XVI в. собственного денежного знака. Им стал литовский полугрош, сменивший денежные единицы сопредельных стран, которые ранее ходили в смежных с ними регионах ВКЛ. На XVI в. приходится также экономическая реформа в сельском хозяйстве, инициированная Боной Сфорца (супругой Жигимонта I Старого). Тем самым были созданы предпосылки для повышения эффективности сельскохозяйственного производства, стимулирования социальной мобильности крестьянства, изменений в социальной структуре общества в целом. Так, в XV–XVI вв. именно за счет преуспевающих свободных земледельцев шло активное пополнение шляхетского (дворянского) сословия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.